

ВИВЛОТКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

ИЗЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И УЧЕНЫХЪ ТРУДОВЪ

К. И. Арсеньева. Е. А. Баратынскаго. Барона Брамбеуса. Ф. В. Булгарска. А. Ф. Воейкова. Кн. П. А. Вяземскаго. Ф. Н. Глинки. Н. И. Греча. В. И. Григоровича. Д. В. Давыдова. И. И. Давыдова. В. А. Жуковскаго. М. Н. Загоскина. И. Т. Калашникова. М. Т. Каченовскаго. И. В. Кирзевскаго. Казака Луганскаго. И. И. Козлова. И. А. Крылова. Н. В. Кувольника. М. Е. Лобанова. А. М. Максимовича. А. П. Максимовича. Марлинскаго. К. П. Масальскаго. А. И. Михайловскаго. Данилевскаго. А. С. Норова. Кн. В. Ф. Одоевскаго. А. Н. Очкина. В. И. Панаева. П. А. Плетнева. М. П. Погодина. А. Погорельскаго. Н. А. Полеваго. А. С. Пушкина. С. Е. Раича. А. Г. Ротчева. Рудаго-Панько. П. П. Свиньина. О. И. Сенковскаго. И. Н. Скобелева. И. М. Ситнирева. Н. Г. Устрялова. В. А. Ушакова. Б. М. Федорова. Гр. Д. И. Хвостова. А. С. Хомякова. Кн. А. А. Шаховскаго. С. П. Шевырева. А. В. Шидловскаго. А. С. Шишкова. В. Н. Щастнаго. Д. И. Языкова. Н. М. Языкова. П. Л. Яковлева. И. М. Ястребцева. Г. М. Яценкова, и другихъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЬ СЪ СЫНОМЪ.

1834.

ПРОЗА.

=

ЗНАКОМСТВО

СЪ ФЕЛЬДМАРШАЛОМЪ ГРАФОМЪ КАМЕНСКИМЪ.

=

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ МОИХЪ ВОЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

=

Въ 1806 году, 4-го Іюля, я былъ переведенъ изъ Ротмистровъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка, что нынѣ полкъ Принца Оранскаго, Лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ Поручикомъ *. Въ концѣ Сентября я пріѣхалъ въ Петербургъ, и немедленно переехалъ въ Павловскъ, гдѣ квартировалъ эскадронъ, въ который я былъ назначенъ. Эскадронный командиръ былъ давній мой другъ и одинъ изъ виновниковъ перевода моего въ гвардію. Во всемъ полку нашемъ было болѣе дружбы, чѣмъ службы, болѣе разсказовъ, чѣмъ дѣла, болѣе золота на ташкахъ, чѣмъ въ ташкахъ, болѣе шампанскаго, чѣмъ печали..... Всегда веселы и всегда на-весель!

Можетъ быть, въ настоящихъ лѣтахъ моихъ я благословилъ бы участь мою и не желалъ болѣе; но мнѣ тогда было двадцать два года отъ роду: я кипѣлъ честолюбіемъ, уставалъ отъ бездѣйствія, чахъ отъ избытка жизни.

* Сентября 13, 1804, я былъ переведенъ изъ Поручиковъ Кавалергардскаго полка въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ Ротмистромъ. Подробности этого обстоятельства изложены въ моихъ Запискахъ.

*

Сверхъ того, положеніе мое относительно къ товарищамъ было истинно нестерпимо. Оставя гвардію, неслыхавшую еще боеваго выстрѣла, я провель два года въ полку, который не былъ въ дѣлѣ, и поступилъ обратно въ ту же гвардію, которая пришла изъ-подъ Аустерлица. Отъ меня пахло молокомъ, отъ нея несло порохомъ. Я говорилъ о рвеніи моемъ, — мнѣ показывали раны, всегда для меня завидныя, или ордена, тогда меня льстившіе. Не разъ вздохъ ропота на судьбу мою заструилъ чашу радости.

Наконецъ пришла вѣсть о разбитіи Прусской арміи подъ Іеной. Заговорили о движеніи войскъ нашихъ на помощь пораженнымъ союзникамъ, и Фельдмаршалъ Графъ Каменскій вызванъ былъ изъ деревни для начальствованія арміею. Я ожилъ. Какъ бѣшенный пустился я въ столицу, чтобы развѣдать о средствахъ втереться къ нему въ Адъютанты, или быть приписаннымъ къ какому-нибудь армейскому полку, идущему за границу. Тщетны были старанія мои. Я не могъ найти не только ходатая, но даже человѣка, въ которомъ бы хотя мало-мальски отозвалось броженіе чувствъ моихъ. Вездѣ встрѣчалъ я въ отвѣтъ на поэзію, кипящую и въ душѣ, и въ глазахъ, и въ словахъ моихъ, прозаическое словцо: «это вамъ дѣлаетъ честь!» — Умилосердитесь! я не похвалы прошу; я прошу помощи: не дайте мнѣ загдохнуть въ свѣтѣ въ бездѣльи. Вы знаете, что нынѣ не посылаютъ въ армію волонтеровъ. — Тѣмъ заключились всѣ попытки мои у людей могучихъ.

Между-тѣмъ, колонны батюшекъ и бабушекъ, дядюшекъ и тетушекъ, какъ-будто войско, принадлежавшее Наполеону, лзли на приступъ 9-го нумера Сѣверной Гостинницы, гдѣ остановился Фельдмар-

шалъ. Всякой просилъ его о своемъ кровномъ; всѣ просьбы были удовлетворяемы, — и къ большому моему терзанію, я долженъ былъ быть свидѣтелемъ сборовъ къ отъѣзду въ армию многихъ моихъ знакомыхъ и пріятелей. Отчаяніе рѣшило меня: 16 Ноября, въ четвертомъ часу *по - полночи* я надѣлъ мундиръ, сѣлъ на дрожки и пріѣхалъ прямо къ самому Фельдмаршалу. Я избралъ часъ этотъ для того, чтобы предупредить новую колонну родственниковъ, готовившуюся на разсвѣтъ къ новому приступу. Къ тому жъ, всякой чудакъ любитъ чудное, а набѣгъ среди ночи юнаго Поручика, служившаго безъ связей и протекціи, на престарѣлаго Фельдмаршала, живаго, яраго и стропгиваго, не такъ-то близокъ былъ къ обыкновеннымъ правиламъ общежитія и даже благоразумія. Все спало на дворъ и въ гостиницѣ. Номеръ 9-й, къ которому вела крутая, тѣсная и едва освѣщенная лѣстница, находился въ третьемъ этажѣ *. У входа въ него былъ маленькій корридоръ, въ которомъ теплился фонарь. Погода была холодная. Пришедъ къ дверямъ номера, я завернулся въ шинель, и прислонился къ стѣнѣ, въ ожиданіи какого нибудь выходца изъ горницъ, чтобы войти съ нимъ вмѣстѣ въ переднюю, оглашаемую сиповатымъ храпомъ какого-то дюжаго деньщика Фельдмаршала.

Однако первый пылъ рѣшимости моей убавился, когда я, осмотрѣвъ себя, взглянулъ на корридоръ, едва освѣщенный гаснувшимъ уже фонаремъ, и со-

* Въ самомъ этомъ номерѣ стоялъ сынъ Фельдмаршала, Графъ Николай Михайловичъ Каменскій, по возвращеніи своемъ изъ Финляндіи въ началѣ 1809 года. Бывъ въ то время присланъ курсеромъ изъ Финляндской нашей арміи къ Военному Министру, я навѣщалъ Графа въ этой квартирѣ, и съ какимъ-то необыкновеннымъ чувствомъ удовольствія видѣлъ то мѣсто, гдѣ предпринялъ первую мою попытку на боевую службу.

образилъ съ этими очевидными предметами часъ, избранный мною на торжественное представленіе себя высокою особою, и младенческое своенравіе всѣхъ почти стариковъ съ просонковъ, приправленное необузданными порывами гнѣва, принадлежащими лично Фельдмаршалу, Графу Каменскому. Подумавъ немного, я сбросилъ съ себя шинель, дававшую мнѣ видъ Абеллино или Фра-діаволо, и рѣшился дожидаться развязки сего игрища въ одномъ мундирѣ. Слышу, отворяется дверь, и маленькій старичекъ, свѣжій и бодрый, является предо мною въ халатъ, съ повязанной бѣлою тряпицею головой и съ незажженнымъ въ рукѣ огаркомъ. Это былъ Фельдмаршалъ. Увидя меня, онъ остановился. — Кто вы таковы? спросилъ онъ меня. Я назвалъ себя. — Къ кому пришли? — Къ Вашему Сіятельству. — Онъ взглянулъ мнѣ быстро въ глаза, пошелъ вдоль корридора къ фонарю, зажегъ свой огарокъ, и, на обратномъ пути, поровнявшись со мною, сказалъ мнѣ: — Пожалуйте сюда. — Я пошелъ за нимъ; онъ молчалъ и шелъ съ огаркомъ впереди меня. Передъ входомъ въ спальню, я изъ уваженія хотѣлъ — было остановиться, пока удостоюсь особаго зова. Примѣтя это, онъ сказалъ довольно сердито: — Нѣтъ, пожалуйте сюда. — Я вошелъ въ спальню. Тогда онъ, воткнувъ огарокъ въ подсвѣчникъ, стоявшій на столѣкѣ подле кровати, спросилъ меня: — Что вамъ надо? — Я объявилъ желаніе мое служить на войнѣ. Онъ вспыхнулъ, началъ ходить скорыми шагами взадъ и впередъ по горницѣ, и почти въ изступленіи говорить: — Да что это за мученье! Всякой молокососъ лѣзеть проситься въ армію, когда я еще и самъ не назначенъ къ мѣсту! Замучили меня просьбами! — Да кто вы таковы? — Я повторилъ мое имя. — Какой Давыдовъ? — Я сказалъ имя отца моего. Тутъ онъ смягчился, вспомнилъ о своей пріязни съ нимъ и даже

съ дѣдомъ моимъ, началъ поименно называть моихъ родственниковъ, такъ, что едва не добрался до выходца изъ Золотой Орды, Минчака Касаевича, родоначальника Давыдовыхъ. Потомъ, подойдя ко мнѣ ближе, съ видомъ однако добродушія сказалъ: — Помнится мнѣ, что ты противъ воли долженъ былъ однажды выйти изъ гвардіи. За что? Скажи мнѣ всю правду, какъ бы ты сказалъ ее покойному отцу своему. — Я разсказалъ приключеніе это со всею откровенностію лѣтъ и характера моего. Онъ слушалъ со вниманіемъ, иногда улыбался, иногда хмурился, и я какъ яспребъ взмывалъ надъ мѣстами, отъ которыхъ примѣчалъ, что брови его начинаютъ смыкаться, падалъ стремглавъ и уцѣплялся за тѣ, отъ конхъ предчувствовалъ улыбку. Когда я кончилъ, онъ, пожавъ мнѣ руку, сказалъ: — Ну, хорошо, любезный Давыдовъ! Нынче же буду просить тебя съ собою; разскажу все, какъ ты ночью — слыхано ли это! — ночью ворвался ко мнѣ въ горницу; какъ я тебя принялъ — прости меня! — за неблагонамѣреннаго чловѣка.... Право, я думалъ, что ты хочешь застрѣлить меня. Правду сказать, я смерти никогда не боялся, а въ моихъ лѣтахъ еще менѣе боюсь ее, но ты весьма былъ похожъ на подозрительную особу. Признайся! — Я извинялся, что осмѣлился обезпокоить его въ такой необыкновенный часъ. — Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ! возразилъ онъ съ пылкію: эшо мнѣ пріятно, это я люблю, это значить ревность неограниченная, горячая; тутъ душа, тутъ сердце.... это я знаю, я чувствую!

И такъ, распростясь съ Фельдмаршаломъ, я возвратился домой съ надеждою на успѣхъ. Сердце мое обливалось радостію, чадъ бродилъ въ головѣ моей, уже я командовалъ эскадрономъ, полкомъ; уже я рѣшилъ важное сраженіе, и едва ли не побѣдите-

лемъ Наполеона бросился на постель, на которой не могъ сомкнуть глазъ отъ душевнаго волненія. Надежда въ эти лѣта такъ похожа на подлинность!

Поутру заговорили въ гвардіи и въ городѣ о моемъ набѣздническомъ наскокѣ на Фельдмаршала; но отъ него я ничего не получалъ. На-завтра я пріѣхалъ къ нему въ девятомъ часу утра, чтобъ узнать о моей участи. Улица была заперта дрожками и каретами. Я вошелъ въ комнаты, полныя чиновниками, и остановился у притолки. Ударилъ часъ развода. Фельдмаршалъ, выходя садиться въ карету, увидѣлъ меня, бросился ко мнѣ, обнялъ меня и, взявъ въ сторону, сказалъ мнѣ: — Я говорилъ о тебѣ, любезный Давыдовъ! Просилъ тебя въ Адъютанты къ себѣ въ нѣсколько пріемовъ, но мнѣ отказано подь предлогомъ, что тебѣ надо еще служить во фронтѣ. Признаюсь тебѣ, что по всему я вижу невозможность выпросить тебя туда, гдѣ бы тебѣ быть хотѣлось. Ищи самъ собою средства, и повѣрь, что какіе бы ты ни нашелъ пути, чрезъ кого бы ты ни достигъ своей цѣли, я всегда съ радостію приму тебя и доставлю тебѣ случай отличиться. — Съ этимъ словомъ онъ исчезъ, а я остался какъ вкопанный!... Но когда вслѣдъ за нимъ и мимо меня потянулась процессія избранныхъ, я взглянулъ на нее, пожалъ плечами и улыбнулся, какъ никогда Сатана не улыбался!

Я не распространялся бы въ описаніи этого случая, мало любопытнаго для другихъ, хотя наслаждительнаго для меня воспоминаніемъ о первомъ порывѣ моемъ къ поприщу, столь давно, столь неослабно, горячо и страстно мною пробѣгаемому, если бъ случай этотъ не выводилъ на сцену человѣка, поколѣніемъ нашимъ забытаго и новому поколѣнію почти неизвѣстнаго; а между — тѣмъ этотъ человѣкъ имѣлъ счастье, въ теченіе пятидесятилѣтняго слу-

женія отечеству, нести высокую честь во мнѣніи самого Суворова, единственнаго его соперника въ эпоху людей превосходныхъ. Такая честь не есть удѣлъ посредственности.....

Казалось, что приговоръ мой былъ подписанъ, и что судьба рѣшительно отказалась оживотворить меня своей улыбкой. Чтожъ вышло? Пріѣзжаетъ курьеръ, Валувевъ, съ извѣстіемъ о болѣзни Фельдмаршала и объ отбытіи его изъ арміи. Спустя два дня, является другой курьеръ, Гр. Васильевъ, съ донесеніемъ отъ Бенигсена о побѣдѣ при Пултускѣ, и Государь назначаетъ Князя Петра Ивановича Багратіона Командиромъ авангарда дѣйствующей арміи, которую препоручаетъ Генералу Бенигсену.

Какое, по видимому, могли имѣть вліяніе на военную участь бѣднаго гусарскаго Поручика, ходившаго съ бичемъ по манежу, или сидѣвшаго за круговою чашею съ товарищами, — Фельдмаршалъ, или Пултускъ, или Бенигсенъ, или Багратіонъ? Первому отказали на счетъ меня, когда ему ни въ чемъ не отказывали; Бенигсенъ не вѣдалъ даже о моемъ существованіи; о Пултускѣ я узналъ только по картѣ, а Багратіонъ знакомъ былъ со мною только мимоходомъ: здравствуй, прощай, — и все тутъ!.....

Января 5-го 1807, я уже летѣлъ на курьерской тройкѣ въ армію вслѣдъ за Багратіономъ, къ которому я назначенъ былъ Адъютантомъ. Никогда не забуду той радости, съ которою я въ первый разъ въ жизни переѣхалъ чрезъ границу нашу! Какъ все было для меня ново, необыкновенно! Весьма естественно любоваться и чистыми, красивыми городками, и селеніями, и каткими дорогами, и осѣненны-

ми деревьями. Меня радовали и аккуратные Нѣмцы съ пудовыми ихъ шутками на счетъ Наполеона, отъ нашествія котораго однако жъ не въ шутку ихъ въ дрожь бросало, и бирь-супъ, и буттеръ-бродъ, и грубые почталюны, такъ учтиво обходящіяся съ лошадьми! Я въхалъ на Августово, Ликъ, Рейнъ, Гутштадъ, и 15-го числа, въ 9 часовъ утра, пріѣхалъ въ Липштадъ, въ минуту выступленія главной квартиры и главной арміи въ Морунгенъ, гдѣ 13-го числа былъ атакованъ Бернадоттомъ Евгеній Ивановичъ Марковъ, командовавшій частію авангарда арміи.

Получивъ въ Петербургъ и на пути нѣсколько пакетовъ на имя Главнокомандующаго, я былъ представленъ ему, и имѣлъ честь вручить ихъ ему лично. Мнѣ пріятно было встрѣтить въ комнатѣ его множество моихъ Петербургскихъ пріятелей и знакомыхъ. Всѣ меня обступили; всякой спрашивалъ о друзьяхъ, о *любезныхъ*, оставленныхъ въ Петербургъ. Многимъ изъ нашей молодежи надѣла война, производимая въ такое суровое время года, безъ рѣшительныхъ успѣховъ и при всякаго рода недостаткахъ. Многие вздыхали о Петербургской роскошной жизни. — Они представляли мнѣ разныя трудности, меня ожидающія. — Я отвѣчалъ имъ, что я заранѣе зналъ, куда ѣду: туда, гдѣ дерутся, а не туда, гдѣ цѣлуются, и увѣренъ былъ и буду, что война — похлѣбка не на стерляжемъ бульонѣ. И по-длинно: я не думалъ тогда о трудахъ и опасностяхъ: такъ неограниченность надеждъ, и, къ этому еще, такъ сильно новое мое положеніе, такъ сильно новыя, разнообразныя и живыя картины дѣйствовали на мои чувства! Довольно сказать, съ дѣтства моего я дышалъ только боевою службою, былъ честолюбивъ до крайности, и имѣлъ двадцать два года отъ роду!

Прибывъ на почтовыхъ, я не имѣлъ верховой лошади, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ войсками. Одинъ изъ пріятелей моихъ уступилъ мнѣ, на переходъ до Морунгена, одну изъ заводныхъ лошадей своихъ, и мы отправились. Я ѣхалъ при Павлоградскомъ гусарскомъ полку, съ его Шефомъ, Генераломъ Чаплицомъ, и Полковникомъ Графомъ Оруркомъ, нынѣ Генераль-Лейтенантомъ. На походъ я познакомился съ нѣкоторыми офицерами, между коими были Князь Баратаевъ, Асонъ и Степанъ Храповицкіе. Я не думалъ тогда, что съ послѣднимъ буду служить въ великій 1812 годъ партизаномъ, и заключу съ нимъ братскую дружбу на кровавыхъ пирахъ отечественной войны.

Не могу описать, съ какимъ восторгомъ, съ какимъ упоеніемъ я глядѣлъ на все, что мнѣ въ глаза бросалось! Части пѣхоты, конницы и артиллеріи, готовые къ движенію, облевали еще возвышенія справа и слева въ одно время, какъ длинныя полосы черныхъ колоннъ изгибались уже по снѣжнымъ холмамъ и равнинамъ. Стукъ колесъ пушечныхъ, топотъ копытъ конницы, разговоръ, хохотъ пѣхоты, идущей по-колѣни въ снѣгу, скачка Адъютантовъ по разнымъ направленіямъ, Генераловъ съ ихъ свитами, самое небреженіе, самая неопрятность одежды войскъ, два мѣсяца невидавшихъ крыши, закопченныхъ дымомъ биваковъ и сраженій, съ оледенѣлыми усами, съ прострѣленными киверами и плащами, — всё это благородное безобразіе, знаменующее понесенные труды и опасности, все неизъяснимо электризовало, возвышало мою душу. Наконецъ я попалъ въ мою стихію.

Но сколь чувства и мысли челоуѣка подвластны различнымъ впечатлѣніямъ! Сейчасъ военное ремесло казалось мнѣ съ привлекательнѣйшей стороны:

пройдя нѣсколько верстъ впередъ, оно явилось мнѣ во всей нагой отвратительности.

Мы подошли къ деревнѣ Георгенталь, къ тому самому полю, гдѣ, за два дня передъ нашимъ приходомъ, сражался Марковъ. Селеніе это было разбираемо на костры частию нашихъ войскъ, которой опредѣлено провести ночь на этомъ мѣстѣ. Нѣкоторые изъ жителей стояли внѣ селенія съ нѣмою горестію, безъ слезъ и ропота, что всегда для меня было и есть поразительнѣе вопля и стенаній. Неопытный воинъ, я досель полагалъ, что продовольствіе войскъ обезпечивается особенными чиновниками, скупающими у жителей все необходимое для пищи, и доставляющими необходимыя потребности въ армию посредствомъ платы за подводы, нанимаемыя у тѣхъ же жителей; что биваки строятся и костры зажигаются не изъ избъ мирныхъ поселянъ, а изъ кустовъ и деревьевъ, находящихся на корнѣ; словомъ, я былъ увѣренъ, что обыватели тѣхъ областей, гдѣ происходятъ военныя дѣйствія, вовсе не подвержены ни какому несчастію и разоренію, и что они не болѣе, какъ покойные жители происшествій, подобно жителямъ Краснаго - Села на маневрахъ гвардіи. Каково было удивленіе мое при видѣ противнаго! Тутъ только удостовѣрился я въ злополучіи и бѣдствіяхъ, причиняемыхъ войною тому классу людей, который, не стяжая въ ней, подобно намъ, солдатамъ, ни славы, ни почестей, лишается не только послѣдняго имущества, но и послѣдняго куска хлѣба; не только жизни, но чести женъ и дочерей, и умираетъ тощій и пораженный во всемъ, что у него есть милаго и святаго, на дымящихся развалинахъ родины.

На томъ же полѣ позорище другаго рода потрясло мою душу. Мы вступили, какъ я сказала, на рав-

нину Морунгенской битвы. Уже, какъ говорить одинъ изъ благозвучныхъ нашихъ прозаиковъ, уже отстояло поле, уже застыла кровь. Тысячи лежали на снѣгу. Опрокинутые трупы, съ отверзтыми, потусклыми очами, казалось, еще глядѣли на небо; но они не видали уже ни неба, ни земли. Они валялись разбросанные, какъ сосуды драгоценнаго напитка, раздробленные насильственной рукою. Мрачный зимній день наводилъ какую-то синеватую блѣдность на сіи свѣжія развалины челоуѣчества, въ которыхъ недавно предъ тѣмъ шумѣли страсти, играли надежды, и свѣжія желанія кипѣли, какъ лѣта пылкой юности.

Я изъ любопытства разсматривалъ поле сраженія. Прежде ѣздилъ по нашей, а потомъ по непріятельской позиціи. Видно было, гдѣ огонь и гдѣ натиски были сильнѣе по количеству тѣлъ, лежавшихъ на тѣхъ мѣстахъ. Артиллеріею авангарда нашего командовалъ тогда Полковникъ Алексій Петровичъ Ермоловъ, и дѣйствіе ея было, во всемъ смыслѣ слова, разрушительно въ пѣхотныхъ колоннахъ и линіяхъ непріятельской конницы, ибо цѣлыя толпы первой и цѣлые ряды послѣдней лежали у деревни Пфаресь-Фельдшенъ, пораженные ядрами и картечью, въ томъ порядкѣ, какъ шли или стояли во время битвы.

Вначалѣ, эта равнина смерти, попираемая нами, спѣшившими къ подобной участи, эти лица и тѣла, искаженные и обезображенные огнестрѣльнымъ и рукопашнымъ оружіемъ, не произвели надо мною ни какого особаго впечатлѣнія; но, по мѣрѣ воли, даваемой мною воображенію, я, съ стыдомъ признаюсь, дошелъ до той степени безпокойства относительно самого себя, или, по-просту сказать, я такъ

струсилъ, что, прѣвхавъ въ Морунгенъ, долго не могъ сомкнуть глазъ, пугался такого же искаженія и безобразія. Если бъ разсудокъ имѣлъ хотя малѣйшее участіе въ дѣйствіи моего воображенія, то я легко бы увидѣлъ, что такая смерть не только не ужасна, но завидна, ибо чѣмъ рана смертельнѣе, тѣмъ страданіе кратковременнѣе, — а какое дѣло до того, что послѣ смерти будешь пугать живыхъ людей своимъ искаженіемъ, самъ того не чувствуя! Слава Богу, съ разсвѣтомъ дня воспослѣдовало умственное мое выздоровленіе. Пришедъ въ первобытное состояніе, я самъ надъ собою смѣялся, и, какъ помнится, въ теченіе долговременной службы никогда уже не впадалъ въ подобный пароксизмъ большаго воображенія.

16-го Января, рано поутру, купивъ себѣ верховую лошадь, отправился я, въ сопровожденіи одного казака, къ Князю Багратиону, принявшему уже начальство надъ авангардами Маркова, Баркляя-де-Толли и Багговута. Команды перваго и послѣдняго находились тогда въ деревнѣ Биберсвальдъ, лежащей на пути изъ Лебемиля въ Дейчъ-Эйлау; команда Баркляя была въ отдѣлѣ. На пути моемъ я объѣхалъ конницу Корфа и Графа Петра Петровича Палена у Госсъ-Готсвальде; далѣе въ Остерродскомъ лѣсу проѣхалъ мимо кочевавшей на дорогѣ около озера Борлингъ-зе дивизіи Графа Остермана; ночью явился къ Тучкову, дивизія котораго находилась въ этомъ городѣ, и рано поутру прибылъ къ моему мѣсту.

Князь квартировалъ въ красивой и обширной избѣ Прусскаго поселанина. Въ свитѣ его тогда находились Кавалергардскаго полка Полковникъ Князь Трубецкой, нынѣ Генераль отъ Кавалеріи и Генераль-Адъютантъ, Графъ де-Бальмень, Графъ Грабовскій, Афросимовъ, Эйхенъ, и прочіе. Вскорѣ я

увидѣлъ Маркова, Барклая-де-Толли и Багговута, тогда въ Генераль-Маіорскихъ чинахъ. Я помню, что въ то время Барклай украшенъ былъ тремя только орденами: онъ имѣлъ Георгія и Владиміра четвертыхъ степеней и штурмовой Очаковскій крестъ, — не болѣе, но уже пользовался именемъ знающаго свое дѣло Генерала. Аванпостами авангарда командовалъ Полковникъ Юрковскій, артиллеріею Полковникъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

Въ теченіе пяти-лѣтней моей службы при Князь Багратионѣ въ качествѣ Адъютанта, во время военныхъ дѣйствій я не видалъ его иначе, какъ одѣтымъ днемъ и ночью. Сонъ его былъ весьма короткій, — три, много четыре часа въ сутки, и то съ пробудами; ибо каждый пріѣзжій съ аванпостовъ долженъ былъ будить его, если привезенное имъ извѣстіе того стоило. Онъ любилъ жить роскошно: всего у него было вдоволь, но для другихъ, а не для него. Самъ онъ довольствовался весьма малымъ и былъ чрезвычайно трезвъ. Я не видалъ, чтобы онъ когда-либо пилъ водку или вино, кромѣ двухъ рюмокъ мадеры за обѣдомъ. Въ то время, одежда его была сертукъ мундирный со звѣздою Георгія 2-го класса, бурка на плечахъ и на бедрѣ шпага, которую носилъ онъ въ Италіи при Суворовѣ; на головѣ картузь изъ сѣрой смушки, и въ рукъ казацкая нагайка.

Отъ суровости времени года въ эту кампанію не глядѣли за формою, и мы все то носили, что болѣе другаго грѣло:

ДЕНЕСЪ ДАВЫДОВЪ.